

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Ворониной Ларисы Владимировны на тему: «Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

Для современной отечественной лингвистики характерен повышенный интерес к рассмотрению различных языковых явлений в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания. Диссертационное исследование Ворониной Л.В. является первой работой на материале немецкого языка, посвященной когнитивно-дискурсивному представлению процессов порождения и восприятия лексических единиц, являющихся продуктами словообразования.

Актуальность исследования деривационных и композиционных процессов словообразования в немецком языке, выполненного с опорой на последние достижения когнитивной лингвистики, не вызывает сомнения.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, подтверждена использованием в качестве теоретических предпосылок исследования основных научных работ отечественных и зарубежных ученых по философии мышления и языка, когнитивной психологии и лингвистике, семантике и теории дискурса. Высокий уровень объективности и адекватности выводов подтверждается использованием в работе актуальных публикаций по исследуемой тематике.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций обусловлена опорой на обширные теоретические данные, а также на большой фактический материал.

Новизна научных положений, выводов и рекомендаций заключается в том, что данная работа представляет собой первое крупное исследование в отечественной лингвистике деривационных и композиционных процессов субстантивного словообразования в немецком языке в когнитивно-

дискурсивном аспекте. В работе впервые исследованы когнитивные механизмы и когнитивные модели порождения и восприятия производных и сложных существительных немецкого языка, дана оценка роли семантического потенциала в процессах моделирования и порождения смысла и роли лингвистических, социолингвистических и индивидуально-психологических факторов в процессах инферентного вывода. Также в работе введено понятие «когнитивный фильтр» в теорию словообразования, позволяющее установить когнитивные факторы, ограничивающие возможность порождения нового смысла имен существительных на основе словообразовательных моделей немецкого языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что работа вносит вклад в освещение вопросов когнитивно-дискурсивного представления процессов словообразования. Однако автору необходимо было дать четкое определение понятий «деривационный процесс», «словопроизводство», «производное слово» с точки зрения словообразования и устранить наблюдаемое во всей работе неоднозначное употребление этих терминов.

Практическая ценность результатов и выводов, приведенных в диссертации, заключается в возможности их использования в практике преподавания немецкого языка, а также в теоретических курсах по лексикологии и словообразованию немецкого языка, по когнитивной лингвистике.

В первой главе диссертации рассматриваются теоретические предпосылки исследования: представлен обзор актуальной научной литературы по проблемам порождения и восприятия смысла, выражаемого производными и сложными словами, рассмотрены три основополагающих подхода к пониманию сущности процесса инференции.

Вместе с тем в первой главе не дается обзор основных положений теории словообразования и не приводится определение термина «производное слово». В словообразовании под производными словами традиционно понимают

«дериваты, значение и звучание которых обусловлены семантикой и звуковой формой других, однокоренных слов: *мыслить – мышление*. Производное слово семантически и формально выводится из другого родственного слова, которое мотивирует его» (Лингвистический словарь Т.В. Жеребило, 2010). В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» 1998 г. в статье, посвященной словообразованию, автором которой является Е.С. Кубрякова, читаем: «Оно (словообразование) изучает производные и сложные слова (здесь и далее выделено нами – Л.Н.) в динамическом и в статическом аспектах ...» (с. 467). И далее: «В зависимости от использованных в акте словообразования формальных средств оно делится на словопроизводство (при использовании средств аффиксации – суффиксации и префиксации), словосложение (при участии в акте словообразования по крайней мере двух полнозначных единиц), конверсию, аббревиацию и т.п.» (там же). Таким образом, словопроизводство и словосложение – это два способа словообразования: их продуктами являются *производные и сложные слова, или дериваты и композиты*.

Такого же мнения придерживаются немецкие германисты. Дериват – слово, производное от какого-либо другого; т.е. слово производится от другого слова с помощью аффиксов или без аффиксов (конверсия). Современные немецкие лингвисты используют термины *abgeleitete Wörter, Ableitungen, Derivate производные слова, или дериваты, и zusammengesetzte Wörter, Zusammensetzungen, Komposita сложные слова, или композиты* (Грамматика ДУДЕН, т. 4, 2005).

В русском языке иногда непродуцированные слова противопоставляются производным, так как большая часть производных слов русского языка образуется с помощью аффиксов. Е.С. Кубрякова отмечает, что «образование новых слов (с помощью формальных средств) именуется в отечественной лингвистике также деривацией, производные и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются общим термином «дериваты»» (Большой энциклопедический словарь Языкознание, стр. 467).

По нашему мнению, в немецком языке, в котором чрезвычайно развито словосложение, следует различать производные и сложные слова, деривационные и композиционные процессы. Употребление терминов «дериват» и «деривационный процесс» в широком смысле для обозначения результата и процесса образования новых слов могло бы не вызвать возражений, но в диссертационном исследовании Ворониной Л.В. наблюдаются противоречия в понимании этих терминов.

Диссертационное исследование Ворониной Л.В. называется «Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных **и композиционных** процессов». Одним из методов исследования является «метод когнитивного моделирования, направленный на систематизацию основных моделей порождения в сфере **композиционных и деривационных процессов**. В 4-ой главе в п. 4.3.1.4 рассматривается дискурсивное функционирование композитов, а в п. 4.3.1.5 – дериватов. В тексте работы на стр. 92 композит противопоставляется деривату. Однако выводы раздела 2.3 формулируются только относительно деривационных процессов (стр. 122) и в положениях, выносимых Ворониной Л.В. на защиту, представлен взгляд только на понятие «деривационный процесс».

Таким образом, диссертационное исследование посвящено в соответствии с названием диссертации «когнитивно-дискурсивному представлению деривационных и композиционных процессов», но в работе теоретически осмыслен только деривационный процесс. Что представляет собой композиционный процесс? Если понятие «деривационный процесс» включает понятие «композиционный процесс», означает ли это, что разработанная автором когнитивно-дискурсивная теория именного словообразования применима для описания процессов смыслопорождения и смысловосприятия всех без исключения слов, являющихся продуктами словообразования?

Объектом исследования являются «**производные** имена существительные как репрезентанты когнитивно-дискурсивных процессов», предмет исследования – «когнитивные основы смыслопорождения и смысловосприятия **производных субстантивов**» (стр. 8), но на стр. 334 диссертации, ссылаясь на мнение немецкого лингвиста, Воронина Л.В. пишет: «... данные <...> образования приобретают способность <...> выступать в качестве производных **и сложных слов**» (выделено нами – Л.Н.).

Чем объясняется такая непоследовательность во взгляде на деривационный процесс, который то используется как общий термин, то противопоставляется композиционному процессу?

И полное недоумение вызывает фраза из заключения: «Данное диссертационное исследование представляет собой когнитивно-дискурсивное **осмысление деривационных процессов** в современном немецком языке **применительно к процессам композиции и деривации** имени существительного» (выделено нами – Л.Н.) (стр. 422).

Во второй главе рассматривается роль когнитивно-дискурсивных механизмов в смыслопорождении производных субстантивов современного немецкого языка.

Возникает вопрос, почему при описании концептуальной метафоры как когнитивного механизма формирования переносных значений имен существительных немецкого языка приводятся примеры такой отдельной группы имен существительных, в которых актуализируется метафорическая модель **ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – АРТЕФАКТ**. Приводимые примеры – это названия растений и животных, которые являются терминами зоологии: *Kaisermantel* перламутровка большая (бабочка), *Mantelpavian* гамадрил, *Klappmütze* хохлач, *Pantoffelblume* кальцеолярия. Создается впечатление, что диссертационное исследование представляет собой описание субстантивного **терминообразования** (выделено нами – Л.Н.) современного немецкого языка,

на основании чего можно сделать вывод о том, что концептуальная метафора в немецком языке представлена только в сфере образования терминов.

В разделе 2.1 автор демонстрирует «возможности **переосмысления** (выделено нами – Л.Н.) производных слов немецкого языка, в основе которого лежит механизм концептуальной метафоры ...» (стр. 88). В детерминативных композитах немецкого языка основным словом является второй компонент, первый компонент определяет второй (например, первый компонент Wand и второй компонент Zeitung образуют сложное слово Wandzeitung стенгазета, газета на стене). Поэтому только в случае, когда второй компонент сложного слова представляет собой перенос наименования из одной области в другую, например, предмета одежды на живое существо, налицо метафора, т.е. переосмысление сложного слова, употребление слова в переносном значении, например: название бабочки Kaisermantel досл. плащ императора. Предмет одежды плащ переносится на бабочку. Композит же Mantelpavian гамадрил имеет значение павиан, это павиан, у самцов которого длинная грива вокруг головы и плеч имеет форму плаща (словарная дефиниция: Pavian mit einer beim Männchen mantelartigen, langen Mähne um Kopf u. Schultern). Следовательно, грива павиана сравнивается с плащом, и мы наблюдаем сравнение, а не метафору. Или другой наглядный пример Pantoffelblume кальцеолярия, досл. башмачный цветок – растение, цветы которого похожи на башмачки» (Gewächs, dessen ... Blüte ... wie ein Pantoffel aussieht). В русском языке в народе эти растения прозвали «башмачки», в этом случае это, безусловно, метафора. В немецком языке можно было бы говорить о метафоре, или о «вовлечении компонента словообразовательной структуры в сферу метафорической экспансии», если бы компонент Pantoffel был вторым, основным компонентом композита.

В четвертой главе диссертационного исследования рассматриваются различные вопросы функционирования производных существительных немецкого языка, однако автором не привлекаются для исследования

электронные корпуса текстов. Как известно, корпусный подход, или метод лингвистического исследования, основанный на корпусах текстов, ориентирован на прикладное изучение языка, его функционирование в реальном дискурсе, и современные лингвистические работы, посвященные исследованию дискурса, немислимы без опоры на корпуса текстов.

Далее хотелось бы высказать ряд замечаний относительно общего содержания и оформления работы, которые в целом не умаляют научной значимости исследования.

1. Одно из замечаний касается материала исследования. Были проанализированы «10 000 дефиниций производных имен существительных современного немецкого языка». По какому принципу отбирались и анализировались слова? В отборе материала не наблюдается логики. Почему национально-вариативное в процессе моделирования и восприятия смысла производного имени показано на примере двух категорий: категорий диминутивности и аугментативности? Почему именно этих, а не других? Почему для исследования дискурсивного функционирования производных и сложных существительных привлекались художественные, газетно-публицистические и научные тексты? Так, в поле зрения совсем не попал обиходный дискурс, в котором используется много интересных слов (только пара примеров: человека, который любит поспать называют «ночным колпаком» *Schlafmütze*, скрягу – «жадная шея» *Geizhals*).

Упоминаемые на стр. 254 существительные, образованные на основе модели ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ представляют собой очень известный класс существительных, называемых бахуврихи. В работе такие существительные не анализируются, хотя они представляют значительный интерес с точки зрения когнитивных моделей порождения композитов. Также только упоминаются словообразовательные элементы, природа мотивации которых носит звуко-символический характер. Примеры таких существительных не приводятся и они не рассматриваются в работе.

Благодаря достижениям феминистической лингвистики, ко всем одушевленным существительным с суффиксом *-er* в немецком языке образуются мовированные формы с суффиксом *-in*. Поэтому модель $V + -er > N$ (стр. 147) актуализирует биологическую принадлежность лица: в современном немецком языке существительные с суффиксом *-er* соотносятся только с лицами мужского пола. Заметим попутно, что мовация как особый способ эксплицитной деривации совсем не попала в поле зрения автора, мовированные существительные почему-то не вошли в 10 000 проанализированных слов.

В параграфе 3.1.9 описывается модель копулятивных композитов, и автор сетует на то, что в словарях приведена единственная дефиниция такого рода сложных слов *Dichterkomponist* (стр. 182). Но в немецком языке более известен другой похожий на этот композит *Dichter-Präsident* поэт и президент, при этом имеется в виду бывший президент Чехии Вацлав Гавел. И почему бы не обратить внимание на интереснейший, на наш взгляд, композит *Sprecherschreiber* (говорящий-пишущий), который употребляется в цитатах диссертации? Или на по аналогии образованный копулятивный композит *Hörerleser*?

2. При описании примеров словообразования, Воронина Л.В. нередко путает словообразовательные аффиксы и грамматические флексии, слово- и формобразование. Существительные типа *Reisende(r)* представляют собой конверсию, но они не образованы по «конверсивной модели $P I + e (-er) > N$ » (стр. 147). Конверсия – это переход, или транспозиция, из одной части речи в другую, т.е. имплицитная, или безаффиксная, деривация. Соответственно, конверсивная модель не может быть представлена с суффиксом *-e (-er)*. В данном случае *-e* и *-er* являются не словообразовательными суффиксами, а грамматическими формантами, флексиями. Подобные примеры встречаются также на стр. 189, на стр. 211.

При интерпретации примера *Muß-, Soll- und Kann-Anforderungen* (стр. 104) утверждается, что композит включает в свою структуру безаффиксные

дериваты, тем самым, признается, что компоненты *Muß-*, *Soll-*, *Kann-* являются производными словами. Однако это не слова, а формы настоящего времени соответствующих модальных глаголов, т.е. алломорфы.

В некоторых случаях неправильно интерпретируются способы словообразования. Существительные, образованные по модели *Mit + N (v) 1 > N 2* *Mitkämpfer*, *Mitbewerber* (стр. 151) являются в немецком языке композитами, так как *mit* является не префиксом, а предлогом. Диссертант не указывает, что это композит.

При описании композита *Wegwerfgesellschaft* первый компонент композита называется автором отглагольным дериватом, хотя речь идет о глаголе *wegwerfen* (стр. 103). В моделях словосложения *V + N* первый компонент, являющийся глаголом, в процессе словосложения теряет суффикс инфинитива, ср. *Lehrveranstaltung*, *Schreibtisch* (первый компонент – глаголы *lehren*, *schreiben*).

Соединительный элемент *-n* называется автором соединительной гласной (стр. 304).

В разделе, посвященном описанию специфики дискурсивного функционирования композитов, приводятся также примеры не композитов, а эксплицитных и имплицитных дериватов: *Unnotwendige*, *unmalbar*, *verplüschten*, *Verkaufe* (стр. 346-347).

3. Положение о том, что в процессе кодирования и декодирования смысла слова взаимодействуют установки, опирающиеся на знание как социального, так и индивидуально-личного опыта, не показано на примерах. То, что немецкий язык беден в сфере языковых средств объективации категории аугментативности по сравнению с романскими и славянскими языками также не проиллюстрировано (в русском языке – *ножищи*, в немецком языке «большие ноги» *große Beine*).

Специфика дискурсивного функционирования композитов описывается на 22 страницах, а дериватов – только на 2 страницах. При этом текст описания

композигов представляет собой почти полностью пересказ работ немецких авторов.

Семантическая непрозрачность номинальных композигов описывалась не только зарубежными, но и отечественными германистами, например, в кандидатских диссертациях Петеленковой М.Г. «Конфликт этимологического и денотативного значений» (Москва, 2004), Кузнецова А.В. «Многозначность корневых морфем в немецком языке» (Москва, 2009).

Параграф 4.3.4.3 посвящен описанию универсального и национально-культурного в концептуальной структуре **производного** субстантива, однако сопоставительному анализу (?) (специальность диссертации 10.02.04 – германские языки) подвергаются **простые** слова как в русском (?), так и в немецком языках: лягушка и *der Frosch*, воробей и *der Spatz*, корова и *die Kuh* (стр. 410 – 412).

4. Некорректны многие внутритекстовые ссылки на литературу. Так, в библиографическом списке приводятся две работы А. Цима 2008 г и непонятно, на какую из двух работ ссылается автор на стр. 331 и 332.

В работе нарушаются правила цитирования информации по вторичным источникам. При цитировании текста по вторичному источнику не указывается источник оригинального текста, а только источник, из которого взята цитата. На стр. 47 цитируется работа трех авторов, однако в ссылке указана работа А. Цима. Правильное оформление в таком случае – «цитировано по Цим 2010». Так же на стр. 49.

Фамилии иностранных авторов должны приводиться в работе на том языке, на котором написана научная работа. На стр. 48 цитируются работы зарубежных ученых, написанные на английском языке, однако в ссылке фамилии пишутся кириллицей.

Часто пересказывается точка зрения немецких ученых, но при этом опускаются вводные фразы «по мнению такого-то ученого», что создает

впечатление изложения автором собственного взгляда. Только цитата в конце абзаца показывает, что речь идет о пересказе (например: стр. 50, 53).

Фамилия англоязычного автора в одном случае пишется латиницей, в другом случае – кириллицей (стр. 55).

В тексте диссертации указываются работы, которых нет в списке литературы (стр. 244, стр. 381). Кроме того, иногда дается неполная ссылка на источник (стр. 233, 297). На стр. 346-348 приводится цитата, занимающая 2 страницы текста диссертации. В ней, в свою очередь, содержатся ссылки на других авторов, работ которых нет в списке литературы.

При пересказе немецких авторов отдельные термины не переводятся на русский язык. На стр. 56 фраза звучит как: «Авторы выделяют следующие *Kontextuelle Annahmen*».

В разделе 1.3 несколько страниц (стр. 59-67) являются пересказом работ немецких авторов. Это гибридные русско-немецкие абзацы, которые представляют собой цитаты немецкоязычных авторов и их пересказ на русском языке без критической оценки автором. Аналогично работа одного автора пересказывается на страницах 75-77.

На стр. 88 в цитате на немецком языке допущена грубая ошибка, искажающая смысл высказывания, что свидетельствует о незнании Ворониной Л.В. исторических фактов.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации.

Диссертационное исследование Ворониной Ларисы Владимировны на тему: «Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненного автором исследования разработана научно значимая когнитивно-дискурсивная теория именного словообразования, имеющая практическую значимость в области германистики.

